

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ПОСЛЕ ПРОППА: МИРОВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОПУЛЯРНЫХ МОТИВОВ, ОТРАЖАЮЩИХ КОНФЛИКТЫ ВНУТРИ СЕМЬИ

Ю.Е. Березкин

Юрий Евгеньевич Березкин | <http://orcid.org/0000-0001-6001-7339> | berezkin1@gmail.com | д.и.н., заведующий отделом Америки | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

В.Я. Пропп, миф об Эдипе, волшебная сказка, гендерные оппозиции в фольклоре

Аннотация

В.Я. Пропп увидел в мифе об Эдипе отражение эпохального перехода от передачи царской власти зятю к ее передаче сыну. Данные о глобальном распространении мотивов, описывающих конфликт между близкими родственниками и свойственниками, исключают такую интерпретацию. Как и другие мотивы фольклора и мифологии, они позволяют реконструировать сферы коммуникации, относящиеся к определенным эпохам. Ни один из приключенческих (а не мифологических в узком значении) мотивов невозможно связать с африканской прародиной современного человека. Они возникли уже после выхода из Африки, хотя в большинстве своем также в палеолите, на что указывает их проникновение в Новый Свет. Если тематика мифологических мотивов, для которых вероятно африканское происхождение, свидетельствует о попытках осмыслить факт смертности человека, то появление приключенческих повествований указывает на осознание темы любви и ненависти. В волшебных сказках конфликты неизменно разворачиваются на внутрисемейном уровне, и лишь в бытовых сказках появляется тема социальных конфликтов, характерных для сложных обществ.

Исследование проведено в рамках НИР “Старый и Новый Свет: формирование и развитие древних обществ и популяций” МАЭ РАН

Статью “Эдип в свете фольклора”, впервые опубликованную в 1944 г. в “Ученых записках ЛГУ”, можно рассматривать как документ эпохи; в ней В.Я. Пропп писал, что в истории следует искать причины, породившие отдельные сюжеты “и самый фольклор”. Когда историческое развитие создает “новые формы жизни” и это новое проникает в фольклор, старое вступает с ним

Статья поступила 24.03.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 24.05.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Березкин Ю.Е. После Проппа: мировое распределение популярных мотивов, отражающих конфликты внутри семьи // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 5. С. 148–165. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050086> EDN: IAPYYZ

Berezkin, Y.E. 2022. Posle Proppa: mirovye raspredelenie popularnykh motivov, otrazhaiushchikh konflikty vnutri sem'i [After Propp: World Distribution of Popular Motifs that Reflect Intrafamily Conflicts]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 148–165. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050086> EDN: IAPYYZ

“в различные соединения”. “Производя впечатление чистой фантастики, они тем не менее совершенно независимо друг от друга возникают везде там, где произошли вызвавшие их к жизни исторические сдвиги”. В истории Эдипа Пропп увидел не рассказ о шокирующем нарушении универсальных запретов, а трансформированное под влиянием новых условий представление о передаче власти. Препятствие стремится ее сохранить, а молодой претендент – занять его место. Эти стремления отражены в кривом зеркале волшебной сказки и легенды (Пропп 1976).

В XXI в. немногие воспринимают работу Проппа в контексте гипотезы, изложению которой она посвящена. Статья русского фольклориста подолжает служить образцом превосходного стиля и умения излагать гипотезу достаточно ясно для того, чтобы ее можно было доказать или опровергнуть. Гипотеза Проппа не подтвердилась, но она не была безосновательной. Сейчас ситуация изменилась, и затронутые ученым проблемы ушли в прошлое. Культурную антропологию и фольклористику больше не интересуют древние формы социальных отношений – если это кому-то еще интересно, то археологам, но у них мало ресурсов для такого исследования. Предлагаемая статья тоже написана не ради оспаривания предположений, сделанных много десятилетий назад – с кем сейчас спорить? Речь о другом. Все мои работы за последние 40 лет в конечном счете преследуют одну цель, а именно: показать, что история культуры не реагирует на изменение внешних условий согласно строго определенному механизму, а создает непредсказуемые и порой причудливые формы. Этот тезис не надо абсолютизировать. Речь не о том, что реакция культуры на изменение внешних условий произвольна и от условий вообще не зависит, а о том, что она опосредована идеями и представлениями, которые распространены в обществе. Соответственно, возникающие варианты культурных форм зависят не только от объективной ситуации, но и от интенсивности обмена информацией между обществами, и даже простые формы не обязательно встречаются повсеместно. Большинство явлений культуры распространены в одних регионах и отсутствуют в других. Вероятность возникновения тех или иных комбинаций признаков не может быть стопроцентной. Если в истории культуры и есть закономерности, то они не лежат на поверхности, и выявить их “путем умственного развития” невозможно.

Вопреки мнению Проппа, мы, конечно, не в силах определить исторические причины, которые порождают сюжеты. Таких причин, скорее всего, и не было. Фольклор – автономная сфера культуры, слабо влияющая на сферу жизнеобеспечения и мало зависящая от нее, поэтому непонятно, почему он вообще должен что-то отражать, тем более одинаково в разных обществах – “независимо друг от друга”. Следует уточнить, что речь идет не о всей народной культуре, а, во-первых, о совокупности сказочных (в широком смысле) сюжетов, описываемых фольклорными указателями, и, во-вторых, об этиологических сказках и легендах, мифологической прозе. Этот фольклор связан с действительностью лишь на уровне тривиальных поверхностных соответствий. Вместе с тем эпизоды и образы, возникавшие в отдельные периоды времени в пределах тех или иных регионов, не могут не содержать какую-то информацию об историческом контексте, в котором формировались. Подобная информация является косвенной и скупой, однако любые крохи знаний об отдаленном дописьменном прошлом стоят того, чтобы пытаться их извлечь. Другие исторические дисциплины здесь почти бессильны.

Пропп полагал, что в мифе об Эдипе зафиксирован эпохальный переход от наследования по женской линии (женившись, мужчина получает статус, которым обладал тесть) к наследованию по мужской линии – от отца к сыну. Эта идея была основана на мнении антропологов XIX в., сперва предполагавших существование в прошлом “матриархата”, а затем матрицентричности в том

или ином виде (наследование по женской линии, послебрачное поселение в доме жены, высокая роль женщины в ритуальной и социальной сферах) (Harris 1968: 196). После появления Этнографического атласа Дж.П. Мердока данная гипотеза была проанализирована путем сравнения информации по этническим группам с разным хозяйственным укладом и разной социальной организацией – от неспециализированных охотников-собирателей до пашенных земледельцев. Она не подтвердилась (Коротаяев 2003: 482–485). Однако постулат Проппа относительно эпохальной смены форм наследования можно опровергнуть и не выходя за рамки фольклористики. Для этого достаточно сопоставить распространение соответствующих мотивов-эпизодов по миру.

За последние 20 лет созданные нами электронный каталог и цифровая база данных фольклора и мифологии достигли той степени полноты, которая позволяет анализировать информацию, не прибегая к поиску дополнительных источников. Пропп подчеркивал необходимость рассматривать проблемы не на избранных материалах, а обращаясь к возможно большему числу традиций. Но на практике он не мог это сделать и пользовался почти исключительно европейскими данными. Мы находимся в более благоприятной ситуации, имея доступ ко многим тысячам публикаций по всем регионам планеты. Наличие электронного каталога позволяет в публикациях не ссылаться на сотни текстов, а предложить читателям доступный ресурс (*Березкин, Дувакин* б.г.), где резюме текстов и указания на источники можно найти по номеру приводимых в статье мотивов. Эти данные загружаются раз в год, в декабре или в январе, но карты распространения мотивов обновляются постоянно. Соответствующий сайт (Карта распространения фольклорно-мифологических мотивов б.г.) имеет логин (customer) и пароль (aether), которые, однако, не являются большой тайной – по крайней мере для русскоязычных читателей.

У нас есть и еще одно преимущество. Даже полвека назад, не говоря уже о 1944 г., дописьменная история человечества выглядела невнятно и схематично. С тех пор положение изменилось. Универсальные термины вроде палеолита или бронзового века никуда не делись, но это уже не стадии, а условные срезы для общей ориентировки среди совокупности конкретных человеческих сообществ – очень разных даже в палеолите. За последние 30 лет, благодаря успехам археологии и генетики, древнейшая история Старого и Нового Света стала известна намного лучше, чем раньше. Именно проекция результатов анализа больших данных по мифологии и фольклору на эту историю дает приращение знания.

Миф об Эдипе

Начнем с мифа об Эдипе, определив его существенные элементы и ареал. Пропп выделял в этом сюжете четыре варианта, но они все следуют одной схеме. Ее специфику определяют два мотива.

Первый, образующий ядро, без которого сюжет не опознается – f54 (номера приводятся согласно нашей классификации [*Березкин, Дувакин* б.г.]). Сами не ведая того, сын и мать вступают в сексуальную связь, а позже узнают о совершенном inceste. Этот мотив представлен в Европе, на Кавказе, на Ближнем Востоке, в Южной Азии и в австронезийском мире (Рис. 1). В Индии у конкани сходная коллизия возникает между дочерью и отцом, но в целом фабула та же, что в повествованиях маратхи и каннада, где речь идет о сыне и матери. Х. Ясон ссылается на гуджаратский текст, но в нем сюжет Эдипа отсутствует, а есть только мотив пророчества при рождении ребенка (*Jason* 1989: 41). В Малайзии и Индонезии f54 зафиксирован у даяков, балийцев, бугов, малайцев Паданга, мoken и тораджа, а в Микронезии – на островах Капингамаранги, Улити и Трук.

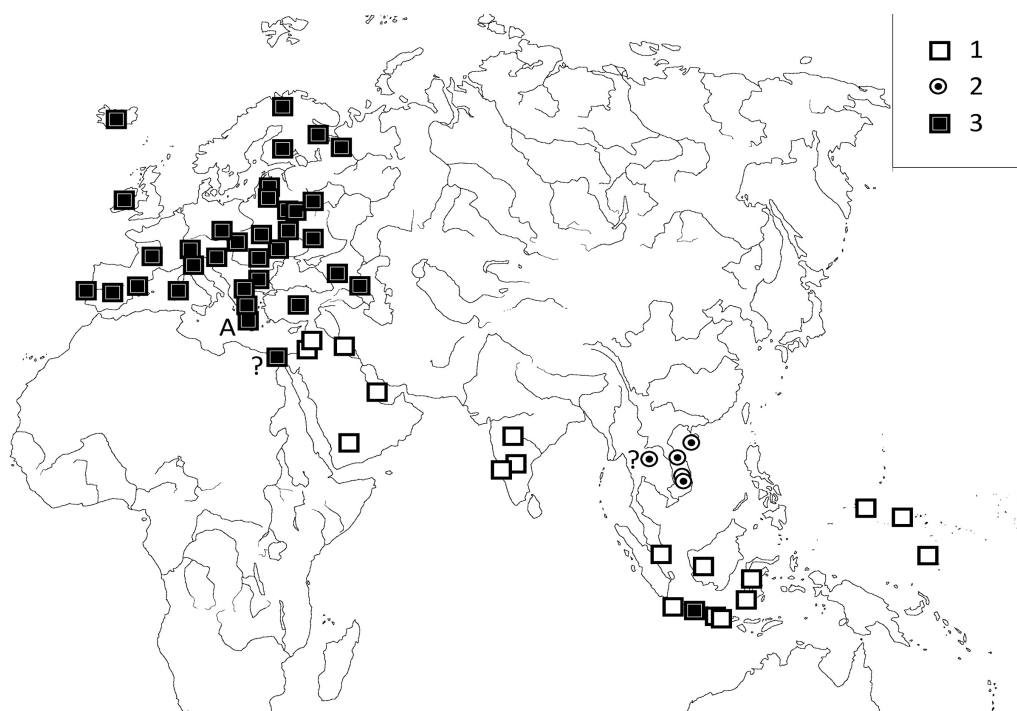

Рис. 1. Распространение двух главных мотивов мифа об Эдипе.

1. Не ведая того, сын и мать вступают в сексуальную связь, а позже узнают о совершенном инцесте (мотив f54). 2. Не зная, кто перед ним, юноша убивает отца (мотив f54e). 3. Оба мотива сочетаются. Литерой А здесь и далее отмечены ранние письменные традиции

Второй мотив – f54e. Не зная, кто перед ним, юноша убивает отца. В европейских и кавказских традициях оба мотива всегда сочетаются, а в азиатских это бывает редко. F54e (Непреднамеренное убийство отца) есть на Хайнane, Яве и Ломбоке (возможно, также на Бали), а кроме того, у малых народов Индокитая (мон-кхмеры седанг и стиенг и австронезийцы зярай). О существовании тайского текста мне известно лишь по ссылке в указателе (*Uther 2004: 571*). В этих индокитайских повествованиях спасшаяся после потопа женщина зачинает сына от пса, сын вырастает и убивает пса, не зная, что это его отец. Оригиналы текстов мне недоступны, а по пересказам (*Dang Nghiem Van 1993*) не о всех подробностях можно судить. По крайней мере, в варианте седангов мать сходится с сыном сознательно, а не случайно. Во всех случаях эта пара становится прародителями человечества или определенной этнической группы. Сюжет происхождения людей от женщины и пса (наш мотив k47a) широко распространен в Индонезии и по всей юго-восточной окраине Азии. Далее область его распространения продолжается в Северную Америку, резко обрываясь на юге Орегона с отдельным анклавом в северо-центральной части Великих равнин. Лишь в одном известном мне яванском варианте мотивы f54 и f54e безусловно сочетаются, но вряд ли это в самом деле исключительный случай. Нередко юноша намеренно убивает пса, узнав от матери, что это его отец. Такой вариант не отвечает строго определению мотива f54, но в конкретных индонезийских традициях эпизоды сознательного (со стороны матери) либо случайного инцеста, как и сознательного либо случайного убийства юношей пса легко заменимы.

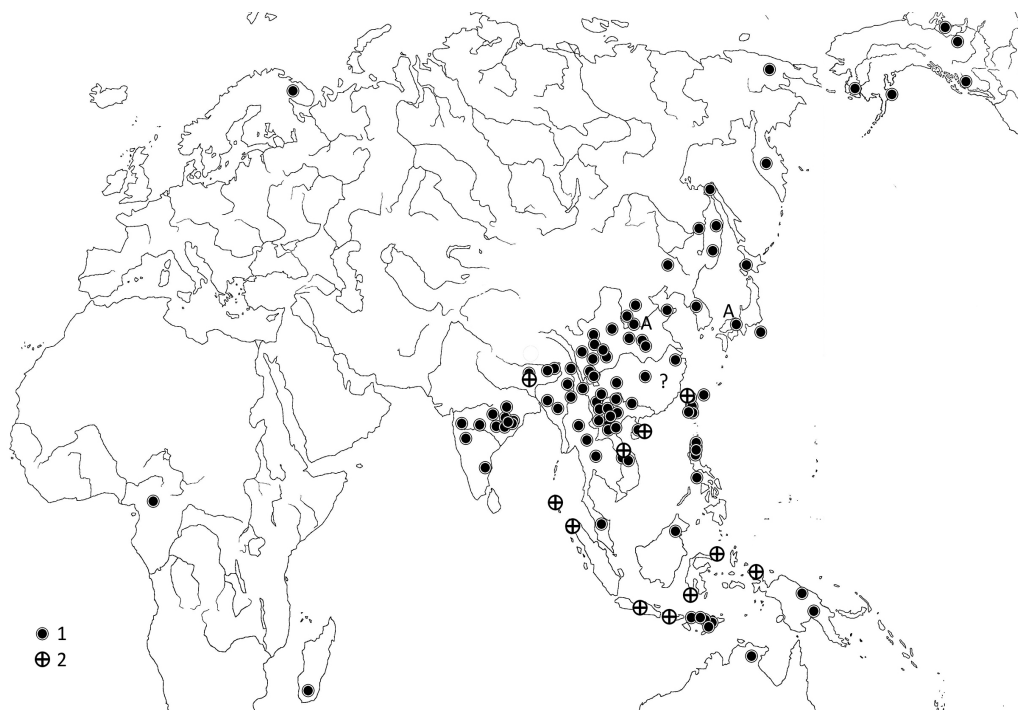

Рис. 2. Распространение сюжета появления людей в результате брака кровных родственников (мотив с8) в Старом Свете и на северо-западе Северной Америки. 1. Брата с сестрой. 2. Сына с матерью (мотив с8с)

Можно добавить, что мотив убийства отца-животного (медведя) его сыном-человеком встречается в европейских текстах на сюжеты ATU 301 и 650A (Aarne-Thompson-Uther [Uther 2004]), но здесь он не связан с мотивом инцеста, да и весь контекст совершенно другой (Panzer 1910: 23).

Мотив происхождения людей от сына и матери (с8с) характерен для территории между северо-восточной Индией (тото), Хайнанем (ли), Явой и северо-западом Новой Гвинеи (меджпрат). Этот ареал вписывается в более обширный, включающий, как и происхождение людей от женщины и пса, всю юго-восточную окраину Азии. На данной территории прародителями обычно являются брат и сестра (мотив с8), а пара “сын – мать” выглядит как вариант той же темы (Рис. 2).

Особого внимания заслуживает присутствие мотива порождения людей сыном и матерью у древних тюрков. Он известен по китайским источникам VI–VII вв. н.э. (Кляшторный 1964: 103–105). Предки тюрков были истреблены, остался лишь искалеченный мальчик. Его спасла от смерти волчица, он сошелся с ней, умер, а она родила от него десятерых сыновей, один из которых стал предком тюрков Ашина. Сюжет в целом похож на записанный у упомянутых южных групп (сын сходится с матерью, волк/собака в роли одного из родителей), но отличается от них больше, чем те друг от друга. Нельзя исключать, что такой вариант восходит к несохранившемуся северокитайскому либо к прото-алтайскому варианту, распространенному на предполагаемой рядом исследователей прародине носителей алтайских языков в бассейне Ляохэ (Внутренняя Монголия – Ляонин) (Linduff et al. 2004: 51–52; Robbeets 2017, 2020).

Еще один связанный с сюжетом Эдипа мотив – пророчество о судьбе новорожденного героя, невозможность избежать предначертанного. Этот эпизод включен в определение сюжета 931 в указателе ATU и, по мнению Г.-И. Утера, составляет его суть (*Uther 2004: 570–571*). В Европе мотив пророчества действительно важен, однако для сюжета Эдипа не специфичен и встречается в разном контексте. В связи с сюжетом Эдипа данный мотив есть в Индии, но отсутствует в Юго-Восточной Азии и Микронезии, равно как и в известных мне арабских традициях. Он включен в определение сюжета 931 в указателе аш-Шаами (*El-Shami 2004*), но не ясно – это просто заимствованная из ATU формула, или она опирается на непереведенные на европейские языки арабские публикации, о содержании которых я не могу судить. Не ручаюсь за египетский вариант. Хотя на Рис. 1 он и обозначен черным квадратом, но список эпизодов у аш-Шаами, приведенный для сюжета 931 (как и для всех остальных), не имеет отсылок к конкретным традициям.

Есть ли между европейскими и азиатскими вариантами историческая связь? Скорее да, поскольку мотивы f54 и f54e все же представлены в обоих регионах и больше нигде в мире. При этом между западными и восточными текстами прослеживаются систематические различия. В Юго-Восточной Азии речь в основном идет не о сказках или легендах, а об антропо- либо этногонических мифах или их реликтах, в которых привлекающая Проппа тема воцарения героя отсутствует. Кроме того, все европейские тексты следуют одной общей схеме и даже могут восходить к единственному античному первоисточнику, тогда как варианты из Индокитая и островной окраины Азии разнообразны. Такое разнообразие, как и этиологическая концовка – доводы в пользу первичности азиатского центра. Известны и другие фольклорные параллели, эксклюзивно связывающие Европу с Юго-Восточной Азией (через Индию) (*Березкин 2011: 157–168*). В любом случае мы имеем дело не с универсальными закономерностями, определившими независимое появление и развитие сюжета в отдельных традициях, а с результатом неповторимого культурного развития в отдельных регионах.

Конфликты героя с отцом и с матерью

Сравним теперь мировое распространение мотивов, обозначенных в нашем каталоге как k28 (Отец или дядя – враг и соперник) и k102a2 (Конфликт сына с матерью). В первом случае речь идет о том, что отец молодого героя или же человек, функционально эквивалентный отцу и в норме помогающий юноше (это дядя по матери либо изредка заменяющий отца дед), оказывается его врагом и соперником – чаще всего дает трудные поручения с целью его погубить. В повествованиях с мотивом k102a2 не отец, а мать стремится погубить сына, поскольку он мешает ее любовной связи. В некоторых американских версиях говорится не о сыне, а о детях вообще, но маловероятно, что имеются в виду только дочери. Во всех повествованиях, описывающих вражду юноши с одним из родителей, причиной конфликта становятся те отклонения от социально приемлемого поведения, которые связаны с отношениями полов: отец стремится отобрать невесту у сына, мать хочет избавиться от сына, поскольку вступает в связь с разбойником или демоническим существом, предпочитает мужу демонического любовника и т.п.

Мотив k28 распространен несоизмеримо шире, чем те, которые образуют ядро повествований на сюжет Эдипа. Впрочем, даже он не универсален (Рис. 3). Этот мотив обычен в Африке и Америке, известен в Индонезии, Австралии и Океании (включая Меланезию), популярен от Балкано-Карпат до Южной Сибири, Индокитая и Японии, но редок в Западной, Центральной и Северной Европе

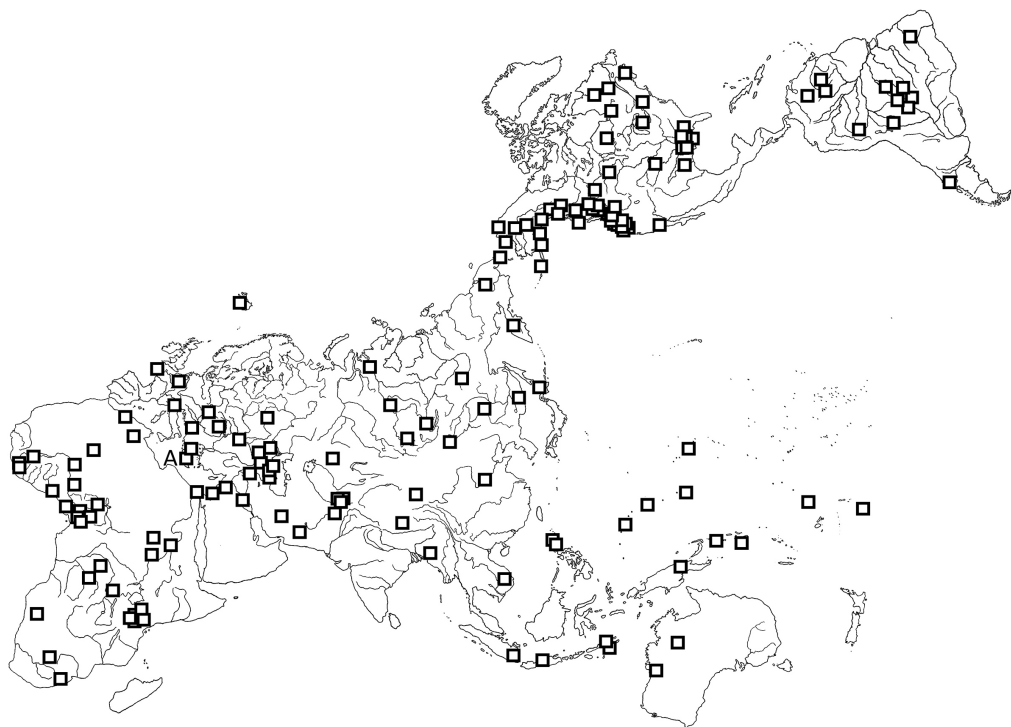

Рис. 3. Распространение мотива k28 (Отец или дядя – враг и соперник). Дядя по матери или отец молодого героя (либо дед, если он заменяет отца, который не упомянут) является его врагом и соперником, дает трудные поручения с целью его погубить

и на большей части Сибири. В Новом Свете он не встречается в Мезоамерике, а также у эскимосов и атапасков (кроме некоторых аляскинских). Такое распределение выглядит случайным и не соответствует ни одному из выявленных планетарных трендов, отражая скорее региональные тенденции встречаемости отдельных сюжетов, в которых мотив k28 использован. Очевидно, что конфликт отца с сыном может присутствовать в повествованиях, записанных в любых регионах независимо от форм хозяйства и социальной организации их обитателей. Этот мотив можно было бы назвать общечеловеческим с той оговоркой, что он не возникает с железной необходимостью всегда и везде. Отсутствие какой-либо корреляции между данным мотивом и формами социополитической организации заставляет отвергнуть и предположение Проппа о его связи с механизмом передачи властных полномочий (“у более примитивных народов Америки” – страх перед зятем, а у “более развитого народа зулу” – страх перед сыном “в пределах одной и той же композиционной схемы” [Пронн 1976: 266]). Сам по себе спор о власти в подобных повествованиях присутствует, но лишь потому, что в той или иной форме он актуален в любом обществе. Эпохальной, стадийной привязки мотив лишен.

Стоит добавить, что и противостояние молодого героя своему отцу либо своему дяде по матери тоже не обнаруживает корреляции с типом хозяйства и с уровнем социальной сложности. Конфликт с отцом описан в повествованиях таких охотников-собираателей (в недавнем прошлом, по крайней мере), как сандаве и хадза Танзании, а у арабов Алжира, желтых уйгуров и дагуров про-

тивником бывает дядя. В Америке выбор отца либо дяди героя в качестве его противника типичен для одних культурных ареалов и нетипичен для других – так же, как и сама тема противостояния юноши с отцом или замещающим его близким родственником. Фактов, указывающих на эпохальную привязку того или иного варианта, нет.

Теперь посмотрим, как обстоит дело с конфликтом, основанным на вражде между юношей и его матерью. Исходя из логики ранних эволюционистов, соответствующая оппозиция ожидалась бы для патриархальных обществ, поскольку при столкновении персонажей разного пола именно женщина выступает носителем деструктивного начала. Анализ распространения мотива свидетельствует о другом.

В отличие от эпизодов, связанных с противостоянием сына и отца, эпизоды, связанные с противостоянием сына и матери, не разбросаны хаотично по миру, но и не коррелируют с формами общественной организации. Они просто вписываются в один из основных паттернов глобального распространения мотивов: Западная/Юго-Западная Евразия и Америка при отсутствии или редкости в пределах основной части Сибири. В Африке южнее Сахары и в Австралии и Меланезии мотивы данного комплекса также отсутствуют или встречаются единично (Рис. 4).

Описанию этого тренда в фольклоре и мифологии мира посвящена только что вышедшая статья (Березкин 2022). Статистическая обработка эпизодов и образов, выделенных из десятков тысяч текстов, позволила обнаружить систематические

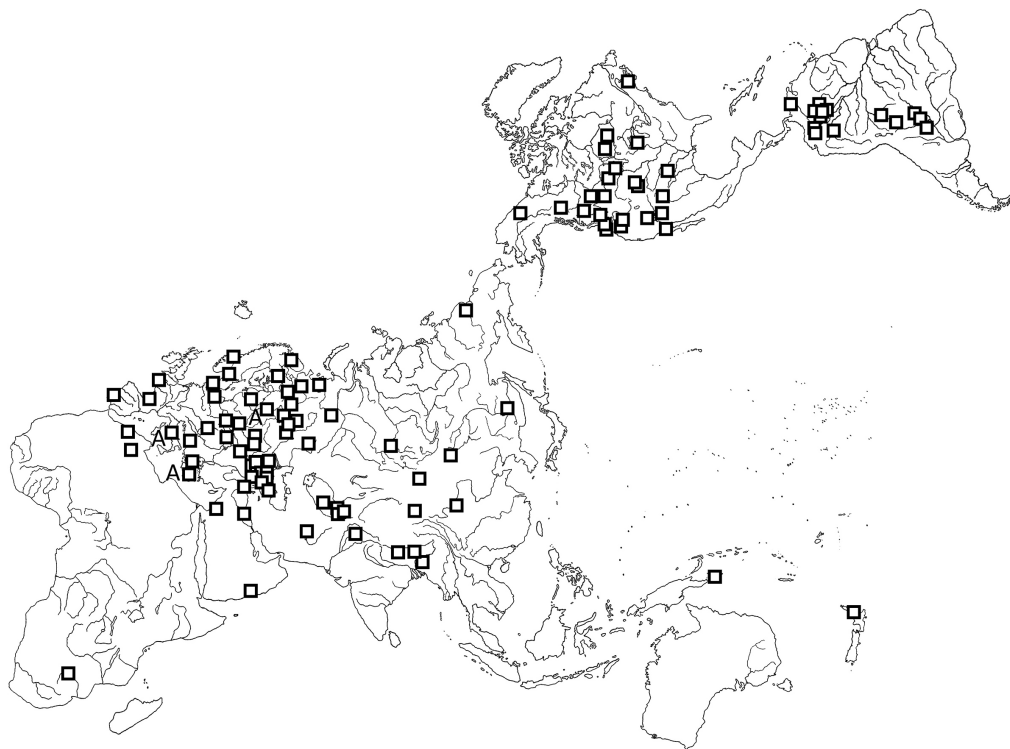

Рис. 4. Распространение мотива k102a2 (Конфликт сына с матерью). Мать стремится погубить сына (детей), поскольку он мешает ее любовной связи и/или в конфликте отца и матери находится на стороне отца

параллели между традициями Западной Евразии и Америки. Особенно заметны подобные мотивы в древнегреческой мифологии, поскольку она фиксирует состояние, предшествовавшее массовому переносу на запад центральноазиатско-южносибирских мотивов в ходе тюрко-монгольских миграций. О европейско-американских параллелях в мифологии было известно еще в XIX в., но они долго не могли получить объяснение. Положение изменилось в последние годы, благодаря прочтению ископаемых образцов ДНК из Сибири. До ледникового максимума и, видимо, также в начале похолодания (ранее 20, но, может быть, и 15 тыс. л.н. – точных данных пока нет) население Восточной Сибири демонстрирует европейские связи. На рубеже плейстоцена и голоцена около 10 тыс. л.н. местные обитатели становятся похожи на эскимосов и палеоазиатов, а к середине голоцена (6 тыс. л.н.) они уже выражено монголоидны. Постепенная смена населения повлекла за собой расчленение первоначального континуума в пределах бореальной зоны Евразии. С началом заселения Америки этот континуум оказался продолженным в Новый Свет. Разумеется, гены не определяют содержание повествований и представлений – просто носителями того и другого являются определенные группы людей (*Mao et al.* 1921; *Sikora et al.* 2019).

Мотив вражды между сыном и матерью может быть отнесен к числу западноевразийско-американских параллелей, исходя как из конфигурации его ареала, так и из его содержания. Он характерен для Европы, Средней и Центральной Азии, но удалось обнаружить лишь по одной фиксации в Африке южнее Сахары и в Меланезии, а к югу от Гималаев и в Юго-Восточной Азии нет ни одной. Сибирь почти вся пуста. На северо-востоке мотив отмечен у тундровых юкагиров и чукчей, на Аляске – у атапасков кучин, но основная зона его распространения в Новом Свете – это территория к югу от границы ледниковых щитов в финале плейстоцена (ок. 12 тыс. л.н.). В Южной Америке зона распространения тянется полосой от северной Колумбии до Чако, не заходя ни в Анды, ни на восток континента.

Реконструируемая бореальная культурная общность примерно соответствует области расселения тех ранних сапиенсов, которые, выйдя из Африки, направились не на юго-, а на северо-восток, вглубь континента (*Lipson, Reich* 2017; *Yang, Fu* 2017). Почему в фольклоре их потомков возникла тема противостояния сына и матери, а у потомков тех, кто пошел в Юго-Восточную Азию, она распространения не получила, сказать невозможно. Скорее всего – случайно. Если же в социальной организации двух основных общностей за пределами Африки, существовавших 40 или 20 тысяч лет назад, и было что-то, повлиявшее подобным образом на их фольклор, то об этом ничего не известно.

Страдающие, подменные и странствующие персонажи

Рассмотрим еще два “гендерных” мотива – на этот раз связанных с противопоставлением женских образов, один из которых наделен положительными характеристиками, а другой – отрицательными. Первый мотив, распространенный почти глобально – k32 (Подменная женщина, Рис. 5). Мужчина не сразу замечает, что другая женщина, злой дух или (в Чако) трикстер мужского пола подменяют его жену или невесту, которая изгнана, заключена в нижнем мире, убита и т.п. K28 тоже встречается, как мы видели, едва ли не повсеместно, но он очень прост, в то время как k32 соответствует относительно сложной фабуле. Этот мотив известен во множестве вариантов, и лишь некоторые из них отмечены в АТУ на правах самостоятельных типов (403, 404, 408). Вместе с тем мотив отсутствует в Австралии, а также на юге и востоке Южной Америки.

В Африке данный мотив известен повсюду, включая койсанов, но вряд ли

это указывает на его древнее африканское происхождение. Его поздний перенос в Африку из Азии кажется вероятнее по ряду причин. Во-первых, африканский фольклор вообще насыщен приключенческими мотивами азиатского происхождения (Березкин 2013: 153–214). Во-вторых, если бы 50 тыс. л.н. k32 был настолько популярен у наших африканских предков, что далее стал частью культурного наследия как тех групп переселенцев, которые направились в северную Евразию, так и тех, которые мигрировали в направлении ее индо-тихоокеанской окраины, то его отсутствие в Австралии и в наиболее удаленных от Панамского перешейка областях Южной Америки вызывает удивление. Ведь именно в этих изолированных районах следовало бы ожидать сохранения архаики. В-третьих, ни в одной из древних мифологий Старого Света мотив k32 обнаружить не удалось, хотя в позднем фольклоре Европы и ряда других регионов он исключительно популярен.

Частота встречаемости мотива k32 в Старом Свете выше, чем в Новом, что связано с большей плотностью информационной сети и распространением сказочных сюжетов в период после античности. Учитывая высокую частоту встречаемости k32 в пределах индо-тихоокеанской окраины Азии, в том числе в Меланезии, древняя прародина могла находиться скорее в Восточной, чем в Западной Евразии, откуда мотив и проник в Америку. В Китае он, скорее всего, распространен повсюду, а недостаточная частота фиксаций вызвана тем, что я мог воспользоваться лишь старой публикацией В. Эберхарда, который отметил наличие соответствующего сюжета в провинциях Гуандун, Хубэй, Чжэцзян, Ганьсу, Сычуань и Шаньдун (Eberhard 1937: 47–52). Во время работы по гранту РНФ 18-18-00361, включавшей перевод фольклорных текстов, опубликованных

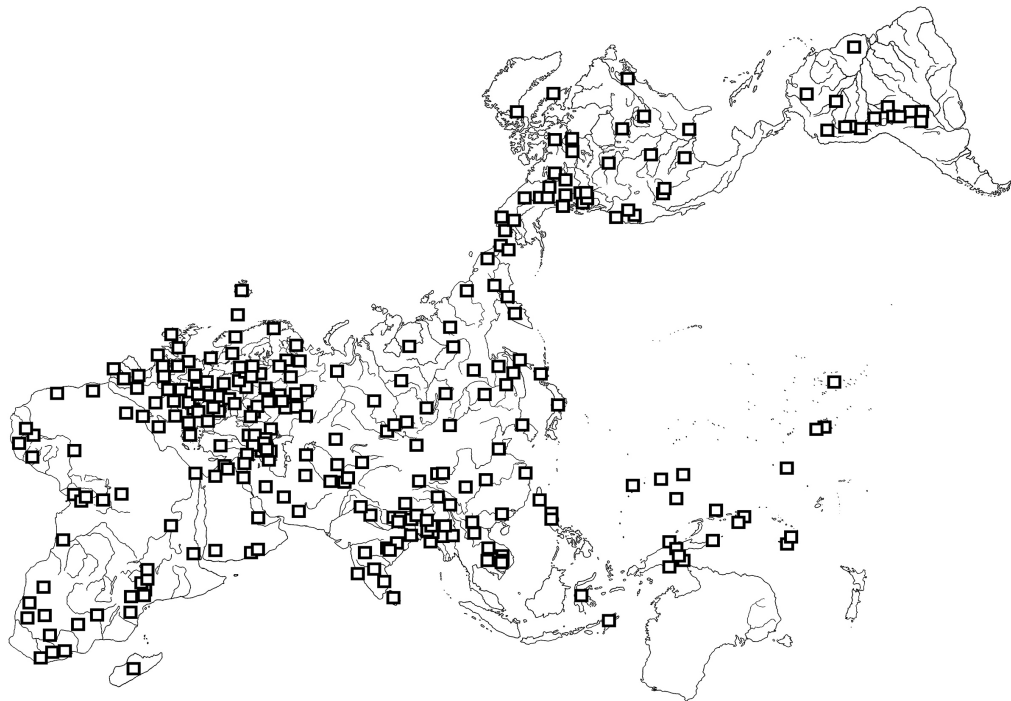

Рис. 5. Распространение мотива k32 (Подмененная женщина).
Мужчина не сразу замечает, что другая женщина, злой дух или (в Чако) трикстер мужского пола подменяют его жену или невесту, которая изгнана, заключена в нижнем мире, убита и т.п.

в китайских академических изданиях, основной упор был сделан на мифологию, а сказки в массе своей остались, к сожалению, не переведенными.

Уверенности в том, что мотив k32 не распространился из Африки и не возникал многократно в разных районах мира, добавляет сравнение его ареала с ареалом еще одного “женского” мотива, который у нас фигурирует под номером k56 (Достойная награждена, недостойная наказана, Рис. 6). Одна из девочек, девушек или молодых женщин (жен одного мужчины) встречается с персонажем, способным награждать и наказывать. Она ведет себя правильно, получает награду. Другая (другие) пытается все повторить, но ведет себя неправильно и наказана (редко: не награждена). В указателе ATU этому мотиву соответствует тип 480 (The kind and the unkind girls), хотя, как обычно, следующее за названием типа определение избыточно и основано на описании одних вариантов и игнорировании других. Нет сомнений, что k56 распространился позже, чем k32 (Рис. 6). В Западной Евразии он известен примерно с той же частотой, что и k32, но в Океании и Америке вовсе отсутствует, а в Сибири редок. Полное отсутствие мотива к востоку от Берингова пролива при наличии на северо-востоке Сибири практически однозначно указывает на то, что в Берингоморье он проник недавно – позже не только заселения американской Арктики палеоэскимосами (5–4,5 тыс. л.н.), но

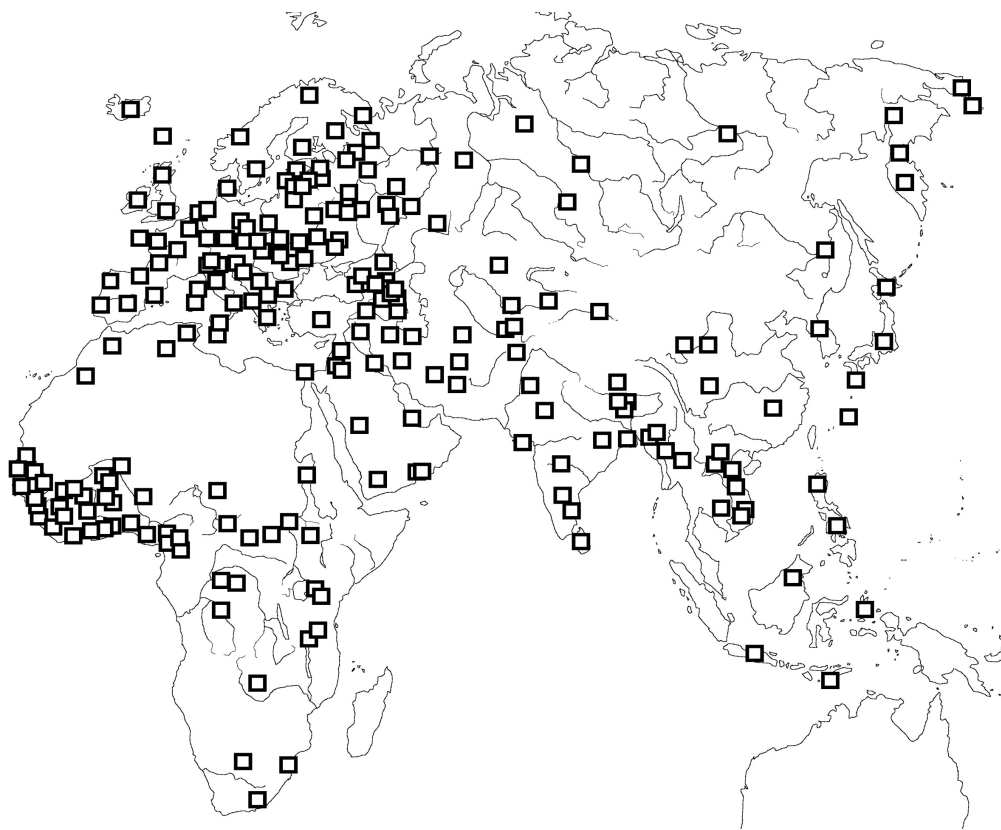

Рис. 6. Распространение мотива k56 (Достойная награждена, недостойная наказана). Одна из девочек, девушек или молодых женщин (жен одного мужчины) встречается с персонажем, способным награждать и наказывать. Она ведет себя правильно, получает награду. Другая (другие) пытается все повторить, но ведет себя неправильно и наказана (редко: не награждена). В Новом Свете мотив отсутствует

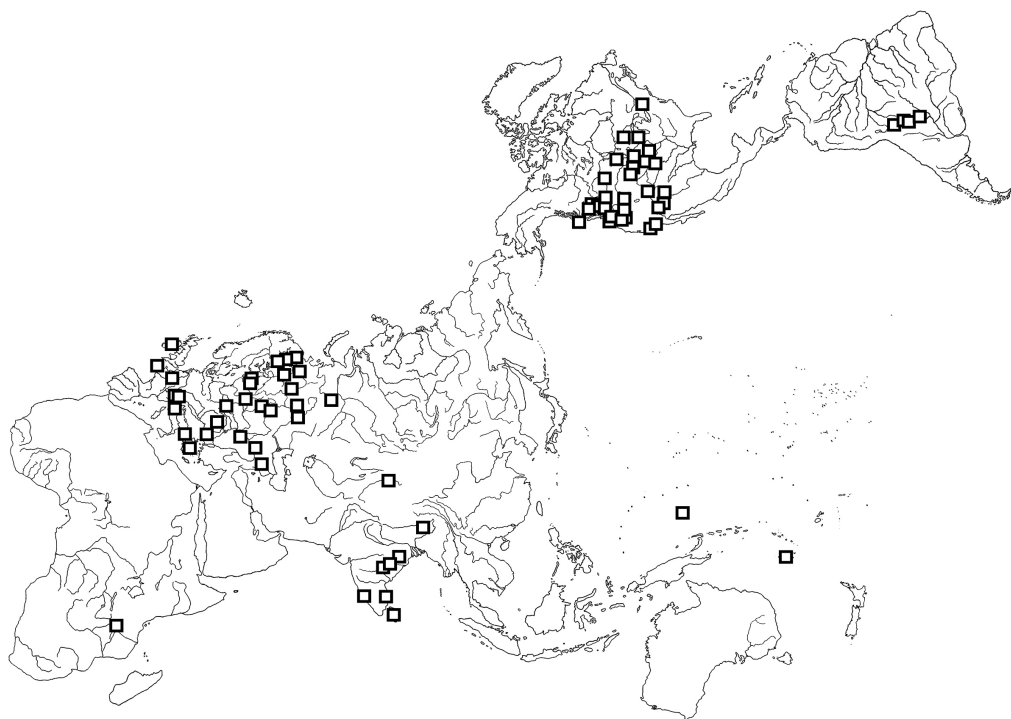

Рис. 7. Распространение мотива k35 (Подмененный мужчина).
Обманщик выдает себя за героя, чтобы занять его положение и,
как правило, овладеть его женщиной

и миграции на восток эскимосов туле 800 л.н. В ранних письменных традициях как k56, так и k32 отсутствуют. Поскольку в Африке южнее Сахары обычны оба мотива, а k56 распространялся, о чем только что было сказано, недавно, то и k32 вряд ли был известен нашим африканским предкам.

Мужской аналог k56, мотив k56b, “Достойный награжден, недостойный наказан”, есть как в Древней Греции, так и в Америке и Меланезии, хотя встречается там реже, чем k32. Это значит, что мужской вариант (k56b) распространился намного раньше, чем женский (k56), и достиг Берингоморья еще в тот период, когда шло активное заселение Нового Света.

Выше было сказано, что мотив вражды сына с отцом (k28) распространен почти повсеместно, а мотив вражды сына с матерью (k102a2) может считаться одним из реликтов древней бореальной общности, протянувшейся от Европы до Северной Америки. Аналогичным образом различны типы ареалов повествований о подмененных брачных партнерах разного пола. В паре с k32 (Подмененная женщина) существует гендерно симметричный мотив Подмененного мужчины (k35): обманщик выдает себя за героя, чтобы занять его положение и, как правило, овладеть его женщиной. И если k32 распространен почти по всей ойкумене, кроме Австралии и части Южной Америки, то k35 – в основном в Северной Америке и в Западной Евразии, т.е. там же, где и k102a2 (Конфликт сына с матерью, Рис. 7). Южноамериканских, южноазиатских и океанийских фиксаций k35 мало, а в Африке удалось обнаружить лишь один случай.

Последняя пара мотивов, которую уместно упомянуть – поиск брачного партнера героем либо героиней. Речь идет о мотивах k176 (Мужчина отправ-

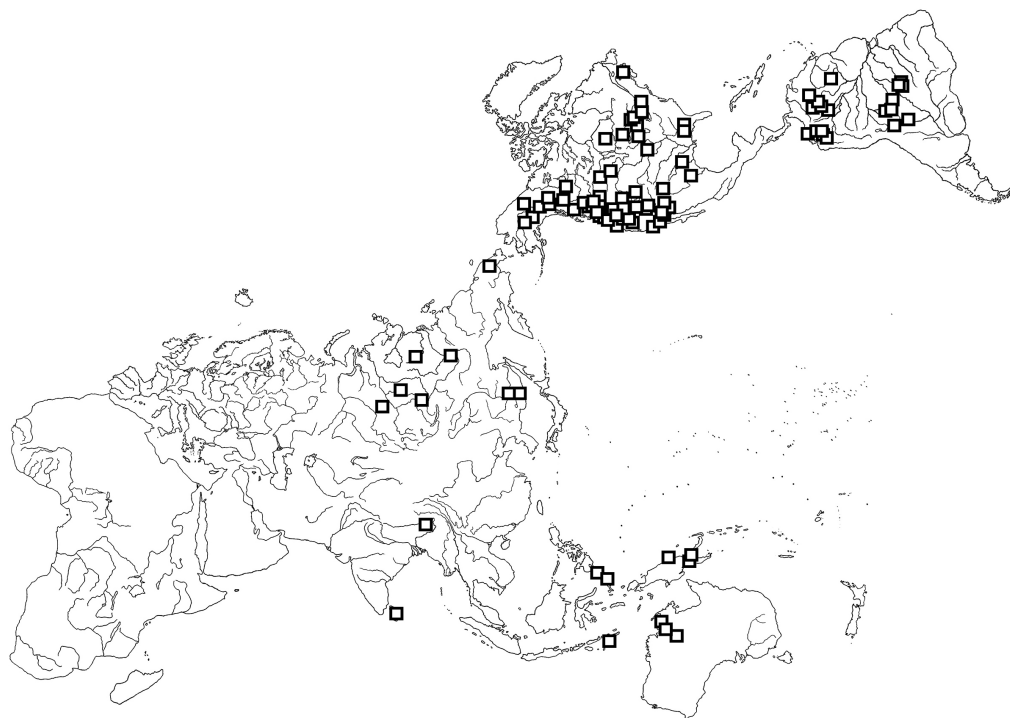

Рис. 8. Распространение мотива j13 (Две сестры). Не одна женщина или девушка, а две сестры (либо более двух, но только двум отведена важная роль в повествовании) странствуют и встречают нежеланного обманщика вместо желанного мужа или жениха, либо попадают к опасным существам

ляется в путь, чтобы найти или вернуть невесту или жену) и k177 (Девушка или женщина отправляется в путь, чтобы найти или вернуть жениха или мужа, либо бежит от опасности и ее странствие завершается успешным замужеством). Оба мотива широко известны в обоих полушариях, а в Северной Америке и в Евразии встречаются почти повсюду. Меньше всего фиксаций в Африке южнее Сахары. Как и все приключенческие повествования, истории странствий в поисках брачного партнера, видимо, возникли лишь после расселения сапиенсов по ойкумене – в Африке южнее Сахары их нет. Отметим, однако, касающуюся этих сюжетов подробность. На западе Старого Света героиня всегда одна, но на востоке Евразии и в Новом Свете нередко странствуют две девушки, две сестры, одна из которых, как правило, умнее и осторожнее другой (наш мотив j13). Для Америки такой вариант особенно характерен. На востоке Старого Света повествования подобного рода встречаются реже, но все же зафиксированы от Сибири до Индии и Австралии (Рис. 8). Все это доказывает существование пусть и слабых, но гигантских по протяженности сетей обмена информацией, существовавших уже в отдаленные эпохи: в одной половине мира девушка странствует одна, а в другой – вместе с сестрой.

* * *

Мы рассмотрели более десятка мотивов, обладающих некоторыми общими признаками. Речь идет о мотивах приключенческих, а не мифологических

в узком смысле (этиология и космология). Они распространены на огромных пространствах, но все же не повсеместно. Эти мотивы бывают встроены в повествования с разной фабулой, но обычно легко заметны, поскольку определяют основную структуру сюжета. Все они так или иначе связаны с темой отношений полов, но на семейном, а не на общинном уровне, как это характерно для южноамериканских, меланезийских и некоторых африканских мифов, описывающих ситуацию институализированного разделения полов в общине предков (*Березкин 2021: 24–26*).

В большинстве своем рассмотренные мотивы (кроме f54, f54e и тем более k56) наверняка распространялись как минимум ранее 10–12 тыс. л.н., поскольку проникли в Америку. Их фиксация в Меланезии также есть довод в пользу древнего распространения, хотя не столь однозначный, ибо со времени расселения в островном мире австронезийцев, т.е. со II тыс. до н.э., контакты этого региона с островной Юго-Восточной Азией были вполне ощутимыми. Я уже писал, что тема трудных задач, которые властный персонаж предлагает герою, также должна была быть известна в финальном палеолите, о чем свидетельствует распространение этого мотива в Северной Америке при отсутствии в Центральной и Южной (*Березкин 2017a, 2017b; Berезкин 2016*). При этом структура и общий смысл текстов не меняются от того, идет ли речь о конфликте возникшего из сопки женщины мальчика с вождем племени или бедного юноши с падишахом. Волшебная сказка как жанр сформировалась поздно. Тем не менее немногочисленные похожие на сказки повествования дошли до нас не только от Древней Греции, но и от Древнего Египта. Называть сказками ветхозаветные повествования невозможно, но, отвлекаясь от жанровой характеристики истории Иосифа Прекрасного, нельзя не заметить, что она легко расчленяется на стандартные сказочные эпизоды. Набор таких эпизодов, в дальнейшем в сказке использованных, стал складываться очень давно, хотя и не ранее выхода человека современного типа из африканской прародины.

Важно отметить, что среди западноевразийско-американских мотивов (отсутствующих на большей части Сибири, но, видимо, известных там в период заселения Нового Света) много эпизодов приключенческих повествований, тогда как среди параллелей между традициями индо-тихоокеанской окраины Азии и Америки преобладают в узком значении мифологические (этиологические и космологические) мотивы – некоторые из них древнего африканского происхождения (*Березкин 2021, 2022*). Это довод в пользу более позднего возникновения приключенческих повествований по сравнению с этиологическими объяснениями картины мира. Первые возникли только после выхода из Африки, а вторые – еще на африканской прародине. Нет ни одного приключенческого мотива-эпизода, для которого бы удалось обнаружить эксклюзивные параллели между Африкой южнее Сахары и индо-тихоокеанской окраиной Азии. Есть несколько трикстерских эпизодов, которые могут иметь африканские корни, но это требует дальнейшего выяснения. Среди рассмотренных в статье мотивов лишь k28 (Отец или дядя – враг и соперник) в принципе мог быть принесен с африканской прародины, хотя с тем же успехом он мог и распространиться позже. Глобальный ареал встречаемости исключает возможность привязки к конкретным процессам, имевшим место в те или иные периоды.

Тематически рассмотренные в статье приключенческие мотивы касаются отношений внутри семьи или небольшой группы хорошо знакомых друг с другом людей. В описаниях разного рода конфликтов острота отношений доведена до предела, которого конфликты реальные если и достигали, то лишь в исключительных случаях. Что касается свойственных сложным обществам социальных конфликтов, то в позднем фольклоре Старого Света они, конеч-

но, отражены, однако лишь в бытовой сказке. Волшебная сказка посвящена не им. Завершая статью на торжественной ноте, я бы сказал, что если до выхода из Африки мифология освоила тему смерти, то появившиеся позже (но тоже в палеолите) приключенческие повествовательные сюжеты отражают осознание людьми темы любви и ненависти.

Источники и материалы

Березкин, Дувакин б.г. – Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения 13.09.2022)

Карта распространения фольклорно-мифологических мотивов б.г. – Карта распространения фольклорно-мифологических мотивов. <http://mapsofmyths.com> (дата обращения 13.09.2022)

Научная литература

Березкин Ю.Е. Четыре фольклорных мотива из трех эпох в истории Индонезии и Филиппин // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего!* / Отв. ред. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 138–174.

Березкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013.

Березкин Ю.Е. Тема трудных задач: распределение типов персонажей по регионам и оценка древности образов // *Бестиарий 4. Земля и небо в традиционном универсуме* / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2017а. С. 37–56.

Березкин Ю.Е. “Трудные задачи”: типология, ареальная приуроченность и оценка древности образов // *Живая старина*. 2017б. № 2 (94). С. 5–9.

Березкин Ю.Е. Африканское наследие в мифологии // *Антропологический форум*. 2021. № 48. С. 91–114.

Березкин Ю.Е. Культурный континуум бореальной зоны Евразии и восточно-сибирский клин (по данным сравнительной мифологии и палеогенетики) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2022. Т. 50. № 2. С. 28–40.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Коротаев А.В. Джордж Питер Мердок и школа количественных кросс-культурных (холокультуральных) исследований // *Дж.П. Мердок. Социальная структура*. М.: ОГИ, 2003. С. 478–555.

Пропп В.Я. Эдип в свете фольклора // *В.Я. Пропп. Фольклор и действительность, избранные статьи*. М.: Наука, 1976. С. 258–299.

Berezkin Y. Areal Distribution of the Types of Task-givers: Peopling of America and the Age of the Folklore Motifs. “Difficult Tasks” Theme in Context of the Study of the Global Distribution of Folklore Motifs // *Power and Speech: Mythology of the Social and the Sacred*. Ed. M. Lisiecki, L.S. Milne, N. Yanchevskaia. Toruń: Pracownia Wydawnicza EIKON, 2016. P. 131–154.

Dang Nghiem Van. The Flood Myth and the Origin of Ethnic Groups in Southeast Asia // *Journal of American Folklore*. 1993. Vol. 106. No. 421. P. 304–337.

Eberhard W. Typen Chinesischer Volksmärchen. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1937.

El-Shamy H.M. Types of the Folktale in the Arab World: a Demographically Oriented Tale-Type Index. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2004.

- Harris M.* The Rise of Anthropological Theory. A History of Theories of Culture. N. Y.: Crowell, 1968.
- Jason H.* Types of Indic Oral Tales: Supplement. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1989.
- Linduff K.M., Drennan R.D., Shelah G.* Early Complex Societies in NE China: The Chifeng International Collaborative Archaeological Research Project // Journal of Field Archaeology. 2004. Vol. 29. No. 1–2. P. 45–73.
- Lipson M., Reich D.* A Working Model of the Deep Relationships of Diverse Modern Human Genetic Lineages outside of Africa // Molecular Biology and Evolution. 2017. Vol. 34. Issue 4. P. 889–902. doi.org/10.1093/molbev/msw293.
- Mao X. et al.* The Deep Population History of Northern East Asia from the Late Pleistocene to the Holocene // Cell. 2021. Vol. 184. P. 3256–3266. https://doi.org/10.1016/j.cell.2021.04.040
- Panzer F.* Studien zur Germanischen Sagengeschichte. Vol. I. Beowulf. München: O. Beck, 1910.
- Robbeets M.* Austronesian Influence and Transeurasian Ancestry in Japanese. A Case of Farming/Language Dispersal // Language Dynamics and Change. 2017. Vol. 7. P. 210–251.
- Robbeets M.* The Transeurasian Homeland: Where, What, and When? // The Oxford Guide on Transeurasian Languages / Ed. by M. Robbeets, A. Savelyev. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 772–783.
- Sikora M. et al.* The Population History of Northeastern Siberian since the Pleistocene // Nature. 2019. Vol. 570. P. 182–188.
- Uther H.-J.* The Types of International Folktales. Part 1. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.
- Yang M.A., Q. Fu.* Insights into Modern Human Prehistory Using Ancient Genomes // Trends in Genetics. 2017. Vol. 34. Issue 3. P. 184–196. https://doi.org/10.1016/j.tig.2017.11.008

Research Article

Berezkin, Y.E. After Propp: World Distribution of Popular Motifs that Reflect Intrafamily Conflicts [Posle Proppa: mirovoe raspredelenie populiarnykh motivov, otrazhaiushchikh konflikty vnutri sem’i]. *Ethnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 5, pp. 148–165. https://doi.org/10.31857/S0869541522050086 EDN: IAPYYZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Yuri Berezkin | <http://orcid.org/0000-0001-6001-7339> | berezkin1@gmail.com | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Vladimir Propp, Oedipus myth, fairytale, gender oppositions in folklore

Abstract

Vladimir Propp has interpreted the Oedipus myth as a reflection of a historical shift in the rules of power transmission: the rule by which the king’s power had been transmitted from the king to his son-in-law was replaced by one whereby it was transmitted to his son. The data on the world distribution of motifs that describe conflicts between close relatives do not support this interpretation. Like other motifs

of folklore and mythology, episodes relating to conflicts within families allow us to reconstruct spheres of communication that existed in particular epochs. None of the adventurous motifs (unlike mythological ones *sensu stricto*) can be connected with the African homeland of *Homo sapiens*. Such motifs had emerged only after the out-of-Africa migration, but mostly also in the Paleolithic, as evidenced by their presence in the New World. Whereas the content of mythological motifs for which African origin is probable mirrors the attempts to interpret man's mortality, adventurous motifs evidence the awareness of love and hate. In fairytales, all conflicts develop at the family level and only in realistic tales do social conflicts typical of complex societies first appear.

References

- Berezkin, Y. 2011. Chetyre fol'klornykh motiva iz trekh epokh v istorii Indonezii i Filippin [Four Folklore Motifs from the Three Epochs of the Indonesia and Philippines' History]. In *Pilipinas muna! Filippiny prezhde vsego* [Pilipinas muna! Philippines First!], edited by M.V. Stanyukovich: 138–174. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography.
- Berezkin, Y. 2013. *Afrika, migratsii, mifologiya. Areal'noe rasprostraneniye fol'klornykh motivov v istoricheskoi perspektive* [Africa, Migrations, Mythology. Patterns of the Areal Spread of the Folklore Motifs in the Historical Perspective]. St. Petersburg: Nauka.
- Berezkin, Y. 2016. Areal Distribution of the Types of Task-Givers: Peopling of America and the Age of the Folklore Motifs. “Difficult tasks” Theme in Context of the Study of the Global Distribution of Folklore Motifs. In *Power and Speech: Mythology of the Social and the Sacred*, edited by M. Lisiecki, L.S. Milne, and N. Yanchevskaya: 131–154. Toruń: Pracownia Wydawnicza EIKON.
- Berezkin, Y. 2017a. Tema trudnykh zadach: raspredelenie tipov personazhei po regionam i otsenka drevnosti obrazov [The Theme of the “Difficult Tasks”: the Distribution of the Actors' Types across Regions and the Assessment of the Age of Their Emergence]. In *Bestiarii 4. Zemlia i nebo v traditsionnom universume* [Bestiary 4. The Earth and the Sky in Traditional Worldview], edited by M.A. Rodionov: 37–56. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography.
- Berezkin, Y. 2017b. “Trudnye zadachi”: tipologiya, areal'naya priurochennost' i otsenka drevnosti obrazov [“The Difficult Tasks”: Typology, Areal Spread and the Assessment of the Age]. *Zhivaia starina* 2 (94): 5–9.
- Berezkin, Y. 2021. Afrikanское nasledie v mifologii [African Heritage in Mythology]. *Antropologicheskii Forum* 48: 91–114.
- Berezkin, Y. 2022. Kul'turnyi kontinuum boreal'noi zony Evrazii i vostochnosibirskii klin (po dannym sravnitel'noi mifologii i paleogenetiki) [The Cultural Continuum of the Eurasian Boreal Zone and the Eastern Siberian Wedge (Based on Comparative Mythology and Paleogenetics)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 50 (2): 28–40.
- Dang Nghiem Van. 1993. The flood myth and the origin of Ethnic groups in Southeast Asia. *Journal of American Folklore* 106 (421): 304–337.
- Eberhard, W. 1937. *Typen Chinesischer Volksmärchen* [Chinese Fairy Tales and Folk Tales]. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- El-Shamy, H.M. 2004. *Types of the Folktale in the Arab World: a Demographically Oriented Tale-Type Index*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Harris, M. 1968. *The Rise of Anthropological Theory. A History of Theories of Culture*. New York: Crowell.

- Jason, H. 1989. *Types of Indic Oral Tales. Supplement*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Klyashtorny, S.G. 1964. *Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii* [Ancient Turkic Runic Texts as a Source of Data on the History of Central Asia]. Moscow: Nauka.
- Korotayev, A.V. 2003. Dzhordzh Piter Merdok i shkola kolichestvennykh krosskul'turnykh (kholokul'tural'nykh) issledovaniy [George Peter Murdock and the School of the Quantitative Cross-Cultural (Holocultural) Studies]. In *G.P. Murdock. Social'naia struktura* [G.P. Murdock. Social Structure]: 478–555. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo.
- Linduff, K.M., R.D., Drennan, and G., Shelah. 2004. Early Complex Societies in NE China: The Chifeng International Collaborative Archaeological Research Project. *Journal of Field Archaeology* 29 (1–2): 45–73.
- Lipson, M., and D. Reich. 2017. A Working Model of the Deep Relationships of Diverse Modern Human Genetic Lineages outside of Africa. *Molecular Biology and Evolution* 34 (4): 889–902. doi.org/10.1093/molbev/msw293
- Mao, X. et al. 2021. The Deep Population History of Northern East Asia from the Late Pleistocene to the Holocene. *Cell* 184: 3256–3266. https://doi.org/10.1016/j.cell.2021.04.040
- Panzer, F. 1910. *Studien zur Germanischen Sagengeschichte* [Studies in History of Germanic Legends]. Vol. I., Beowulf. München: O. Beck.
- Propp, V.Y. Edip v svete fol'klora [Oedipus in the light of folklore]. In *V.Y. Propp. Fol'klor i deistvitel'nost', izbrannye stat'i* [The Folklore and the Reality, the Selected Papers]: 258–299. Moscow: Nauka.
- Robbeets, M. 2017. Austronesian Influence and Transeurasian Ancestry in Japanese. A Case of Farming/Language Dispersal. *Language Dynamics and Change* 7: 210–251.
- Robbeets, M. 2020. The Transeurasian Homeland: where, what, and when? *The Oxford Guide on Transeurasian Languages*. Edited by M. Robbeets, and A. Savelyev: 772–783. Oxford: Oxford University Press.
- Sikora, M., et al. 2019. The Population History of Northeastern Siberian since the Pleistocene. *Nature* 570: 182–188.
- Uther, H.-J. 2004. *The Types of International Folktales*. Part 1. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Yang, M.A., and Q. Fu. 2017. Insights into Modern Human Prehistory using Ancient Genomes. *Trends in Genetics* 34 (3): 184–196. https://doi.org/10.1016/j.tig.2017.11.008